

ВАЛЕНТИН ОДОЕВСКИЙ

СЕМЬ ДНЕЙ БАРМЕНА

18+

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентин Одоевский

Семь дней бармена 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67221030

SelfPub; 2022

Аннотация

Это продолжение первой книги о самых запоминающихся клиентах бармена. Снова самые разные люди, самых разных взглядов на жизнь и характеров готовы рассказать ему о насущном и не только за бокалом чего-нибудь крепкого...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Стакан наполовину пуст (вместо пролога)	4
Король часов	7
Мэтр карандаша	13
Ангел с красными руками	18
Вертухай	24
Шерлок	32
Бумажный Штирлиц	38
Посредник счастья	44
Стакан наполовину полон (вместо эпилога)	50

Валентин Одоевский

Семь дней бармена 2

Стакан наполовину пуст (вместо пролога)

Уже много воды (и ещё чего покрепче) утекло с того момента, как я впервые встал за эту стойку. Ей можно хоть при жизни памятник ставить. Хотя, в сущности, она сама им и является. Столько разных лиц и судеб выпало на её долю принимать. Если б этот большой кусок дерева был бы жив, то вполне мог бы написать не хилый такой роман-драму. А может даже и диссертацию по психологии или психиатрии, ибо такие кадры иногда попадаютс...

Но, поскольку из соображений профессиональной чести, так сказать, и неумения что-либо держать, кроме как клиентов и бутылок на себе, – такая почётная, надеюсь, миссия достаётся мне!

Когда-то я уже говорил, что работа бармена до жути напоминает работу психолога. В отличие от последнего, правда, у меня есть легальная возможность и полное право налить пациенту... в смысле, гостю, чего-нибудь крепкого... лишь

бы у него деньги были... хотя, конечно же, не всегда. Я же тоже человек, как никак.

Одна моя знакомая недавно заметила, что я изо-дня в день наблюдаю полный цикл течения человеческой жизни. Вот приходит ко мне клиент, кладёт на стойку купюру, заказав, допустим, водки. Я ему, разумеется, наливаю полную рюмку – жизнь зарождается. Он смотрит на неё своими грустными, усталыми глазами, красными от недосыпа и стресса, и поднеся ко рту, ловким движением опустошает, – жизнь пронеслась. Вроде бы, конечно, ничего необычного. Однако, практически, за каждой такой рюмкой стоит рассказ длиною в целую человеческую жизнь. Пусть это может быть даже какой-то небольшой её отрезок. Пусть даже конкретный случай, что был, например, вчера. Всё равно – это жизнь. Это переживания, это страдания человека! Последнее слово здесь очень важно, поскольку, не все те, кто ходят по заведениям, в подобных которым я работаю, – беспробудные алкаши и тунеядцы. Вовсе нет! Это добрые и искренние люди, нередко одинокие. Вот и ищут они спасения своей души в стакане. Тут уж всё от человека зависит. Кто-то выплывает, кто-то тонет... Человечность от этого в них не пропадает. Я это стараюсь помнить.

Все люди разные. Всякий из них по-своему интересен, а уж когда пьянеет – особенно!

Я мог бы рассказать здесь очень о многом и о многих. Тем не менее, хотелось бы вспомнить о семерых людях, что осо-

бенно врезались в мою память. Кто-то из них пришёл лишь однажды, кто-то до сих пор заходит, а кто-то даже сейчас сидит за столиком напротив, улыбаясь мне, потому что видит, как я рассказываю всё это вам, и знает, ведь, что про него тоже пойдёт речь!..

Король часов

Он заходит нечасто.

В основном, глубоким вечером. Вечно с растрёпанными седыми волосами, в старомодных очках, с лёгкой щетиной на лице, отсвечивающей «серебром», в потёртом холщовом пиджаке, который, кажется, никогда не меняет.

Как правило, он молчалив. Аккуратно садится на барный стул, кладя на стойку купюры и заказывает бокальчик «Греми»¹ без какой бы то ни было закуски. Пригубив, примерно, половину содержимого, мой гость лениво достаёт из кармана пиджака какие-нибудь наручные часы, небольшую отвёрточку, записную книжку с засаленными страницами и какой-то огрызок карандаша. Со всем этим нехитрым набором он аккуратно принимается ковыряться во всех этих маленьких механизмах, то и дело что-то чёркая у себя в книжке.

Надо сказать, что часы у него всегда разные. Бывают недорогие – на кожаном ремешке, с поцарапанным стеклом и простой батарейкой внутри. Бывают и необычные – со звеньями, несколькими стрелками под стеклом и массой разных шестерёнок, плат и прочей невидали, что под стать понять лишь такому королю часов, как мой гость.

---

¹ Грузинская марка коньяка. (Прим.авт. В.О.)

У меня редко получается с ним пообщаться. Он всегда сосредоточен на своей работе, иной раз даже допить свой заказ забывает. Если нам и удаётся поговорить, то это ограничивается набором пары дежурных фраз, изредка каким-нибудь анекдотом.

Обстоятельная, так сказать, беседа у нас с ним случилась лишь однажды. Тогда он был, на удивление, уставшим, глаза красные от недосыпа, щетина внешне напоминала серую наждачную бумагу, да и сам он пил больше обычного.

– Что-то случилось? – спросил я тогда, подливая ему в бокал ещё «Греми».

Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом сквозь очки, поднял бокал и тихо пробасил:

– Твоё здоровье, бармен!

Бокал тут же был залпом опустошён. Гость поставил его на стойку и продолжил:

– Что б тебе никогда не приходилось чувствовать чужую боль!

– Хех! – усмехнулся я. – Я с ней, считайте, каждый день живу, чего уж тут?

– Ты не знаешь о чём говоришь, – тяжело сказал он, опустив голову к открытым часам, в которых ковырялся.

Я подлил ему ещё коньяка, а гость говорил, не поднимая на меня взгляд:

– Понимаешь, часы – это жизнь. Вот их остановишь иной раз, и всё – как будто мир вокруг тебя остановился. А завёл

их – как будто снова всё на местах. Это ж, знаешь, как... как хирургическая операция на сердце. Каждый, даже самый маленький, механизм важен. Вот, взять хотя бы эти часики.

Он кивнул на часы, что лежали на стойке.

– Тут всего-то надо батарейку новую вставить. Фактически, чтоб ты понимал, пересадку сердца сделать. Но я-то вижу, что тут не только в этом дело. Вон – шестерёнка проржавила, надо новую найти. Да вот незадача – где ж такую взять? Это ж полностью ручная работа! Производство искусства, а не часы! Честно говорю. Но вот-с... придётся вручную её делать... самому!.. И то, не факт, что она подойдёт под остальные механизмы. Как там в кино говорят? – «да прибудет с вами Сила!»? Вот. Да прибудет со мной хирургическая операция! Или ювелирная?.. Не суть, всё равно близко!

Он отпил немного коньяка, что-то черкнул у себя в книжечке, а затем тяжело посмотрел на меня:

– А, вот, про жизнь, кстати, я не просто так, красного словца ради, говорю. Это ж правда. Пару лет назад, помню, принесла мне женщина часы. Хорошие такие, фирменные, добротные. Надо было стекло заменить, ну и завести снова, а то не шли чего-то. С первым пунктом проблем вообще не возникло. А вот завести... вскрываю – всё в порядке! Все механизмы целые, смазанные, даже батарея свежая. Думаю, что ж не так? Я их и так, и эдак – ничего. Приходит эта женщина забирать их, значит. Я говорю, мол, проблем не обнаружил, но не заводятся и всё. Спрашиваю, может отжили они

своё, мол, сколько им уже? А она мне, дескать, да не больше двух лет, муж носил, да только разбился он в аварии недавно, часы на нём были. Вот, говорит, решила починить их в память о нём. Меня аж передёрнуло, понимаешь? Это не часы, это, считай, кусок человека мне принесли! Стрелки-то, видать, остановились, когда его сердце прекратило стучать. Умерли, то есть, вместе с ним – и тут уж никакой реанимации нет...

Он помотал головой, закрыв глаза, снова хлебнул коньяка и продолжил, однако, голос его стал немного дрожать:

– А недавно, вот, прибегает ко мне Викулька, девочка из дома, в котором я работаю. Её семья мне сдаёт иногда свои часы на починку. Приятные люди, знаешь ли. Ну, так вот, приносит Вика мне недавно часики женские, говорит, мол, дядя Петя, сделайте пожалуйста, это мамины, ей плохо сейчас – не может сама прийти. А в глазах, знаешь, такая искренность, какой уже нигде не увидишь. Ну, ребёнку восемь лет, что уж тут? Принялся я, стало быть, за работу, чай, не сложно было. То ли устал я, то ли торопился куда, но только винтик небольшой у меня выскользнул из пальцев. Я его по всему столу и полу ищу – нету. Заглядываю в свои заглашники, как на зло, – кончились! Думаю, ладно, чёрт с ним, завтра утром закончу, как раз куплю новых винтиков. На том и порешил. Утром прихожу я к себе в мастерскую, сажусь за стол – там эти часы. Вспоминаю, что я ж обещал себе винтиков новых купить, а я – балда – забыл! Только поднимаюсь,

чтоб в магазин сбегать, как на пороге Викуля появляется с заплаканным личиком. Я сразу к ней, мол, что случилось? Не отвечает. Думаю, расстроилась, что ли, что я часы не починил? Утешаю её, говорю, что сейчас сбегаю кое-куда и заработают. А она мне сквозь слёзы говорит, что мама у неё ночью умерла...

В глазах за линзами показались слёзы.

– Я, знаешь, я чуть не упал на месте. Думаю, как же так?! А потом сижу я за своим столом, и что ты думаешь? – нахожу этот злосчастный винтик, что выскользнул у меня вчера! Хотя, я готов поклясться на чём угодно – не было его там! Ты же знаешь, как это бывает. И тут-то до меня допёрло – если б я вчера этот злосчастный винтик нашёл, быть может, мама Вики была бы жива... Вот, ведь, связь какая! Часы – как второе сердце, считай. Но, главное, я вставил винтик обратно, чтоб, всё-таки, девочке отдать. Гляжу, а они не работают! Не идут и всё! И знаешь, вроде бы, я не человека оперирую, вроде бы, совсем не моя это вина... это ж, всего-то механизм, машина, если угодно!.. Да только совесть меня до сих пор мучает, а перед глазами, когда засыпаю, лицо Вики в тот момент – столько горя и тоски в этих детских глазках...

Он снял очки, достал из внутреннего кармана пиджака расцарапанный футляр, вынул салфетку, протёр ей глаза и очки. Снова выпил коньяка.

– В общем, – продолжил он. – Не буду я теперь вот так бросать работу. Чует моё сердце, жизни людские держу в ру-

ках, а не машины какие-то!..

Пётр допил свой бокал, поставил на стойку, что-то покрутил внутри часов и улыбнулся, показывая мне циферблат, по которому плавно скользила стрелочка.

– Идут! – сказал он. – Наверное, кому-то жизнь сохранил я сегодня...

Собрав обратно часы и распахав вещи по карманам, гость спрыгнул со стула и, пошатываясь, побрёл к выходу.

Я, конечно, мало что понимаю в его работе. Однако в то, что он спасает чьи-то жизни – верю.

В последнее время Пётр стал молчалив. В основном, сидит, копается в этом сложном часовом микромире, иногда попивая свой любимый «Греми» и улыбаясь, когда очередные часы восстанавливают свой прежний ход... ход человеческой жизни....

Мэтр карандаша

Посвящается К.В.Киселёву

Карандаш что-то быстро шуршит на страничке скетчбука.

Голова рисующего постоянно вертится, смотря с разных сторон на своё творение, и что-то быстро корректируя.

Создаётся ощущение, что он совсем забыл про свой бокал вина на стойке, содержимое которого лишь едва пригублено. Однако я знаю, что когда художник будет удовлетворён результатом своих трудов, то непременно выпьет ещё. Для него это – словно награда за проделанную работу. Словно финиш после долгого кросса.

Я не знаю толком сколько ему лет. Судя по голосу, который, ну, никак не вяжется с его внешностью – уже взрослый парень. Всегда носит одежду пастельных тонов, но неизменно в красной рубашке в крупную клетку. Он приходит один раз в неделю, в субботу. Просит налить ему белого столового вина, а сам достаёт свой небольшой потрёпанный скетчбук, механический карандаш, окидывает своими большими глазами зал и принимается работать.

Я никогда не заглядывал к нему за плечо, дабы увидеть плоды его творений. Никогда ему не мешал.

Тем не менее, недавно я всё-таки ненавязчиво спросил

его:

– Коллекционируешь портреты?

Он оторвал взгляд от своего скетчбука и, слегка помявшись, ответил:

– Можно и так сказать...

– А зачем они тебе?

– Ну как? – удивился мой собеседник. – Это ж практика какая-никакая. А учитывая то, что я никогда не учился в художке, то мне она необходима. Сами понимаете, мало кто согласится на просьбу разрешить его нарисовать. А так – вот – заметил себе кого-то и работаю.

– А почему именно здесь?

– Вы о чём?

– Ну, почему именно в баре? Ты же можешь, например, в метро рисовать или ещё где.

– Я кому-то мешаю? – спросил клиент, пододвигая скетчбук ближе к себе, в его голосе чувствовалось волнение.

– Нет-нет, что ты? – поспешил успокоить я. – Просто из интереса спрашиваю.

– Вы знаете, здесь бывает столько разных людей. Все они такие интересные. Да всякий человек, я считаю, по-своему интересен. А здесь конкретно можно увидеть нечто необычное. Как люди открывают миру своё второе «я». Вы ж, наверное, каждый день видите, как к вам приходит один человек, а напивается – совсем другой. Само это перевоплощение. Вот, что интересно.

– Что же тут интересного? – спросил я. – Просто они становятся теми, кто они есть. Не все, конечно, но большинство – так точно.

– Так ведь, вот это и интересно!

Глаза художника прям загорелись, и он, пролистав пару страничек скетчбука назад, показал мне два добротных эскиза девушки. На первом она была вся в себе, держа в обеих руках бокал. На втором была всё та же девушка, но волосы были как будто растрёпаннее, пиджак, что раньше был на ней, висел на спинке стула, блузка была чуть расстёгнута, обнажая начало выреза груди. Бокал был уже в одной руке, а вторая была закинута на спинку стула.

– Видите, как меняется человек, – сказал он. – Она была такой робкой, молчаливой, закрытой. А потом – раз – и уже такая открытая, игривая, прямая.

Я поглядел ещё раз – ведь и вправду. Всё это прекрасно видно здесь. Хоть и без особых красок, зато какие детали – прям до мелочей.

– А ведь, действительно..., – восхитился я.

– Вот, видите! – чуть ли не воскликнул художник и даже немного отхлебнул вина. – Но это то, что люди видят. Я имею в виду, – все люди. А вот, что внутри. Вот это реально интересно.

– Что-что? – решил пошутить я. – Сердце, сосуды...

– Да нет! – усмехнувшись, отмахнулся клиент. – Вы знаете, я всегда завидовал писателям. У них есть слова. Это

их кисти. Их карандаши. Их инструменты. Они могут описать, практически, всё! У нас – у художников – всё несколько сложнее. Нам нужно видеть или, хотя бы, представлять то, что мы изображаем. А как представить то, чего не видишь? Например, как изобразить человеческую душу? Вы сейчас, конечно, можете задать в гугле и вам выдаст пару тысяч картинок, но это всё не то. Это – абстрактные образы того, что человек когда-либо видел. А я мечтаю и надеюсь, что когда-нибудь достигну такого мастерства, что смогу изобразить реальную душу человека. Без какой-либо абстракции или ещё чего-то. Просто – голая душа. Вот тогда-то я и пойму, что я уже точно мэтр карандаша. Пусть я уже буду известным, например, буду зарабатывать прилично, но это – ничто по сравнению с реальной картиной души!..

– Тебе бы в философы податься, – усмехнулся я.

– Изобразительное искусство, как и любое искусство, – это всегда философия. Просто она разная. Да и зачем её различать? Можно же творить что попроще. Что попонятнее. Это удобно и доход хороший приносит. Просто сейчас так модно... пройдёт когда-нибудь...

Он снова глотнул вина и продолжил что-то шуршать у себя в скетчбуке, пока я отвлёкся на новый заказ.

Когда я налил очередному гостю, художник уже направлялся к выходу, оставив на стойке пустой бокал, под ножкой которого лежало несколько купюр и небольшой лист бумаги. Это была страничка из его скетчбука. Я поднял бокал,

сложил деньги и перевернул страницу. На обратной стороне был небольшой, но очень добротный эскиз человека. Там был изображён я....

Ангел с красными руками

Посвящается Е.В.Поповой

Непредвиденные ситуации в нашем заведении случались достаточно редко. Бывало, конечно, что мужики по-пьяни подерутся или к женщине какой пристанут, но это быстро пресекали. К тому же таких буйных посетителей у нас было совсем не много.

Однако это ещё привычные ситуации. Такое случается и в каких-нибудь элитных дорогих ресторанах, чего уж греха таить.

А вот когда человеку становится плохо... я имею в виду, совсем не хорошо – чуть ли не до смерти...

Передо мной сидела молодая девушка, лет двадцати, может чуть старше; в чёрном пиджаке и брюках, в белой рубашке со стойкой-воротником. Должен признать, что она была довольно симпатичная – карие глаза, устало смотрящие в стол, длинные светло-русые волосы, раскинувшиеся на плечах и немного заострённый подбородок, из-за чего форма её лица казалась несколько иначе, чем у обычных людей.

Несмотря на свою красоту и кажущуюся хрупкость она

выпивала уже третий стакан «Ксенты»², не закусывая, но выглядела совершенно трезвой. Её выдавал только уставший взгляд, что тупо смотрел то на стойку, то на дно стакана, который я ей любезно наполнял, про себя переживая, как бы ей плохо не стало.

Тем не менее, худо сделалось не ей, а какому-то мужчине за столиком, в кругу большой компании. Я увидел, как он тупо свалился с дивана на пол, а к нему подскочили те, кто с ним был рядом. Сразу же послышались звуки возни, суеты и возгласы о помощи.

Девушка, сидящая передо мной, молча допила свой абсент и, не успев я и глазом моргнуть, как уже сидела на корточках рядом с упавшим и что-то быстро говорила, попутно расстёгивая верх его рубашки. Она сама уложила его на бок, подложив под голову снятый с него же пиджак. Затем подбежала к моей стойке и, ничего не говоря, вынула из ведра со льдом бутылку вина, которую приложила к животу мужчины. Я ничего не понял, но противиться не стал. Видно было, что девушка знает, что делает.

Скорая приехала минут через десять. Упавшего стали выносить на носилках. За ним последовали и его близкие. Ушла с ними и она...

На следующий день эта же девушка снова появилась в нашем баре. На ней был всё тот же костюм, а глаза ещё более уставшие.

---

² Ксента (Xenta) – марка абсента. (Прим.авт. В.О.)

Она села за стойку и вновь заказала «Ксенты».

Когда первый бокал был опустошён, а я наливал второй, то я спросил:

– А что вчера с тем парнем случилось?

Девушка залпом выпила очередной бокал. Зажмурилась. Глубоко вздохнула. Затем открыла глаза, которые были уже красными от алкоголя и недосыпа, и сказала слегка сиплым голосом:

– Внутреннее кровотечение открылось.

Несколько секунд она молчала, смотря как я снова наполняю её бокал, а затем взяла его в руку, глядя на зелёную жидкость внутри и продолжила:

– У него печень больная, а он, дурак, перепил вчера. Вот результат. Четыре часа оперировали его.

– Так это вы оперировали его?.. – поинтересовался я.

Она снова опустошила бокал залпом и тут же ответила:

– Да. Его отвезли в больницу, где я работаю. Я и оперировала. А потом ещё четверых за день... Мы же с ним в полночь закончили где-то. Ну, сегодня, то бишь. Новый день. А дальше ещё эти четверо были...

– Вы, вижу, устаёте..., – сочувственно произнёс я.

– Вы не представляете насколько, – выдохнула она и опустошила очередной стакан.

– Вам плохо не станет от такого количества? – учтиво спросил я.

Девушка рассмеялась. Она смеялась искренне, завалив го-

лову назад, и от этого мне даже стало неловко.

– Боитесь, что тоже упаду, как тот мужик вчера? – усмехнулась моя собеседница.

– Ну... вы же – девушка..., – замялся я. – Обычно девушки пьют что полегче...

– Немного не так. Я – сначала – хирург. А уже потом – девушка. Хотя, я себя уже ей не ощущаю, если честно...

Она потупила взгляд и оперлась головой на руку.

– Всё время операции, пациенты... кровь... хирургичка... Я посвящаю этому себя. Свою жизнь. И это начинает надоедать. Мозги кипят, проще говоря. Не потому что выбрала не то призвание или ещё что... – нет! Просто я уже не чувствую себя человеком... что уж там девушкой?.. Я как будто робот – процедурная, операционная, кабинет. Процедурная, операционная, кабинет... Изо-дня в день одно и то же. Бывает, ночуешь так прямо – на ходу. Начальство-то ещё понимает, как-то жалеют нас немного, а вот парни...

Я заметил, как на её щеке появилась слеза.

– Ну, как им объяснить, что работа у меня такая?! Что я не изменяю им с врачами другими, а просто, блять, извиняюсь, на операциях!

Она снова выпила бокал абсента и ненадолго закатила глаза, видимо, чтобы сдержать слёзы.

– А как есть свободное время – так чего я им внимания не уделяю? Не могут понять, что я запарилась, наверное, нет?! Что стоять у стола, согнувшись, по несколько часов – это не

в «Доту» катку сгонять!

Как она ни старалась, но слёзы всё равно, понемногу, лились из её глаз, хотя голос ни капли не дрожал.

– Знаете, иногда хочется оставить эту чёртову работу и начать жить для себя. Хотя бы на неделю! Чтоб поспать сутки-двое. Чтоб поесть нормально, а не перебиваться, чем Бог даст. Чтоб не видеть ни крови, ни хирургичек, ни скальпелей... А потом, знаете, смотришь – упал кто-то на улице с приступом... а ты уже на автомате летишь к нему. Просто потому, что ты знаешь, что делать. И, видимо, знаешь это только ты, ибо остальным всё равно. Люди, вообще, такие равнодушные. Кому-то плохо, а никому не интересно. Это хорошо ещё, если в скорую позвонят, а также ж и это не делают. И вот, получается всегда одно и то же, – кто, если не я? Да ебись оно всё конём, хочется сказать. Но нет. Всё-таки, Бог нам такого пока ещё не сказал, хотя тоже хочет, наверное. Вот и я, наверное, не могу. Да и, когда трезвая, понимаю, что не особо-то и хочу.

На её лице, наконец-то, появилась лёгкая улыбка, а щёчки налились румянцем.

– Так приятно, понимаете, когда операция кончилась, ты приходишь в кабинет и просто лежишь на полу... потому что спина устала, пока ты согнутый стоял несколько часов с красными руками... Потом приходишь в палату к пациенту, а он уже ничего – живчик – разговаривает, смеётся, тебя расцеловать хочет – приятно так всегда!.. Даже не от благо-

дарностей их приятно, а от осознания того, что ты – их единственный шанс остаться с нами... не уйти Наверх... и ты даёшь им руку, чтоб ухватиться. Вот это реально радует!

Она выпила очередной бокал абсента и закашлялась:

– Ну, хватит на сегодня...

– С вами всё хорошо? – спросил я.

– Обижаете! – усмехнулась она. – Отличное пойло! Хотя... лучше чистого спирта нету в мире ничего!

Девушка снова рассмеялась и соскочила со стула.

– Спасибо, что не прогнали меня и не перебивали! – сказала она. – Врачам тоже иногда нужна помощь. Даже такая...

Я не успел и слова сказать, как моя собеседница поспешила к выходу и скрылась в проёме.

Она и поныне захаживает к нам в бар. Всё также пьёт «Ксенту», иногда разнообразя водкой. Всё в этом же костюме. Всё с такими же усталыми, красными от недосыпа, но такими красивыми и добрыми глазами, за печалью которых читается фраза – «я – счастлива!».

Вертухай

В нашей стране так много людей в погонах, что складывается чувство, будто вся страна – сплошной военный лагерь. Настолько милитаризованы все ведомства. Ну, или, хотя бы, большинство уж точно.

Одним из немногих «райских уголков», где можно было не видеть ни полицейских, ни прочих «погонников» – был наш бар. И то сюда, время от времени, заглядывали разные силовики. Как правило, с целью что-то быстро купить и забрать с собой. В основном, конечно же, стражи порядка.

На моей памяти, по крайней мере сколько я работаю, к нам лишь раз заходил военный – лётчик по имени Анатолий. Вроде как, я раньше про него уже рассказывал.

Но, как известно, раз на раз не приходится.

Однажды на пороге нашего заведения появился человек в форме. Я даже сначала не понял кто это – полицейский или очередной какой-то военный? В тёмно-синем кителе с золотыми погонами, на каждом из которых было по одному... бордовому, красным этот цвет трудно было назвать, просвету, и по три золотые звёздочки. Под кителем сияла белая рубашка, форменный галстук. Сам обладатель этой формы был молодой человек, однако, молодость можно было увидеть лишь по глазам и то еле-еле... Лицо уже начало покры-

вать морщинами, было немного отёкшим. Когда он снял фуражку, то я увидел его седеющие короткие волосы. Кое-где всё ещё оставался их прежний буроватый цвет.

Он сел на барный стул перед моей стойкой, положил фуражку и сказал грубым прокуренным голосом:

– Водки...

Я поспешил уточнить:

– Вам какой? У нас много марок и видов.

Гость посмотрел на меня уставшим взглядом и отрешённо произнёс:

– Да хоть какой, мне всё равно!..

Он облокотился на стойку и сказал уже тише, от чего его голос казался грубее и даже, я бы сказал, страшнее:

– Гуляю я сегодня, дружище, понимаешь?

– Понимаю, – ответил я и, поставив перед ним рюмку на сто грамм, наполнил её из крайней бутылки, что стояла на полке.

Он поднял рюмку, взглянул на меня исподлобья и проворчал:

– Ну, за свободу!

Водка мгновенно утекла в его горло, а рюмка вернулась на стойку, чтоб наполниться вновь.

Я всё не решался ничего ответить или спросить, хотя один вопрос, чисто из любопытства, терзал мою голову.

По мере того, как наш старлей пил, пуговицы на его кителе одна за одной всё расстёгивались и расстёгивались, а гал-

стук постепенно опускался от шеи.

– Простите, – наконец, решился спросить я, – а вы – полицейский?

Он усмехнулся, беря вновь наполнившуюся рюмку:

– Не-а!

– А кто же вы?

– Хех!

Жгучая жидкость снова утекла в него.

– Да никто я уже, дружище! – ответил он. – Человек я. Хотя... я уже и сам толком не пойму, могу ли я таковым себя считать?..

– Неужели так всё плохо?

– Да как тут сказать...

Он замялся.

– По крайней мере, сегодня у меня точно всё очень даже хо-ро-шо! Вот что я определённо знаю...

– А что празднуете?

– Уволился я наконец-то!

При этих словах в его глазах появилась радость, ибо они сверкнули, а лицо на мгновение озарила улыбка.

– Поздравляю! – учтиво сказал я, подливая водки. – А откуда, если не секрет?

Старлей заметно помрачнел, лицо его слегка побледнело. Он опустошил рюмку и угрюмо ответил:

– Из зоны. Вертухаем я был.

– Вы тюрьму охраняли? – не поняв, спросил я.

– Ну, грубо говоря, да. Во ФСИН я служил, вот...

– Тогда понятно, почему у вас такой праздник, раз вы уволились оттуда.

– Хех, друг, что тебе понятно?

Он закашлялся и уже сам взял бутылку, подливая себе горячительного.

– Пол жизни, считай, на свалку. Приходишь в институт, думаешь, вот – какая у меня благородная цель! Да, не уважают! Да, обделяют! Зато как я сам гордился буду! Ой, какой я баран был, ты бы знал... Да мне бы тогда это знать... В институте тебе рассказывают всё по книжкам всяким там, про то, что трудно, но как почётно! Ты выпускаешься весь такой окрылённый – ещё бы – ты ж специалист, всё знаешь, все экзамены сдал хорошо! У тебя идея по жизни есть, в конце концов! Ты понимаешь, что нужен стране, что она тебя не бросит!

Он залпом опустошил рюмку и, громко поставив её на стойку, продолжил сделав голос чуть ниже и мрачнее:

– Ага, щас!.. нужен ты ей сто лет... не бросит..., да она и не поддерживала даже... Приезжаешь на место службы, думая, что сейчас тебе всё выдадут, начнёшь служить нормально. А нет! Сразу в лоб говорят, мол, нужна форма по размеру да поновее – покупай за свой счёт. И не волнует никого, что ты начинаешь им твердить про гособеспечение и прочий бред, что тебе лепетали в институте пять лет напролёт. Над тобой просто смеются, посылают матом и говорят,

что я сумасшедший какой-то из сказки. Ну, думал я, ладно, хотя бы зарплата с премией неплохая выходит... ага... вот только никто не помнит, когда же второй пункт платили последний раз-то?.. Думаешь, что же за дела тут творятся? Почему всё так, почему нас так обделяют? Вон, армия, менты – всё у них в шоколаде – стоят только, стебуются над нами, потому что мы выглядим червяками на фоне них. Ну а сама служба... хочешь отдохнуть на выходных? – а не пойти бы тебе на хуй – вызывают! Отпуск? Что это вообще такое? Дурак что ли? Пытаешься заставить младших инспекторов, ну, рядовых, сержантов работать как следует – покивают у тебя перед лицом, козырнут..., а сами опять бухать уходят...

Старлей нервно усмехнулся.

– Потом и я стал с ними, от безысходности, выпивать...

– Почему же от безысходности?

– Да потому что ты понимаешь спустя пару месяцев, что твоя идея, твои знания, да ты сам никому на хуй не нужен! Ты просто расходный материал, который с оружием в руках смотрит за другим расходным материалом. И я не преувеличиваю. Пытаешься как-то помочь зекам – начальство чмырить начинает. Доложишь о том, что видел, как твои сослуживцы или подчинённые избивают кого-то – и начальство, и эти же сослуживцы задерут. Такое ощущение, что если ты каждый день контактируешь с заключёнными, то перестаёшь быть человеком. Да я и сам-то уже не пойму человек я или нет? Страдать от алкоголизма в двадцать семь лет, по-твое-

му, нормально? А от депрессии?

Я медлил с ответом, но он его и не ждал.

– Да чего ты думаешь – понятно же всё. Я стал таким же уродом, как и большинство моих бывших сослуживцев. Были и нормальные люди, конечно. Вот им я и благодарен, что надоумили меня свалить из этого всего дерьма...

Он снова поднял на меня взгляд, а голос сделался уже мягче:

– Ты бы знал, какое это счастье – идти по улице и не чувствовать этой вони, этого запаха человеческого отчаяния, боли, сырости и туберкулёза. Когда вокруг нет этих заебавших рож в серых камуфляжах и с служебными собаками. Когда нет серых стен с решётками, а лишь высокие разноцветные дома и небо... небо-то какое голубое оказывается! Оно ж свободным бывает, представляешь!

От его слов и на моём лице невольно появилась улыбка. Настолько бесхитростными и простыми были его впечатления об обычном людском мире.

– Нет, – сказал я, – всё-таки вы – человек.

– Да? Почему же?

– Выйти из адских ворот и не остаться озлобленным на простых людей, на весь мир – это не каждому дано, мне кажется.

– Я пока не могу почувствовать себя человеком, – грустно улыбнулся старлей. – Не получается и всё. Зверем – да. Раздавленным – да. А вот, чтоб именно тем, кем я был когда-то

– нет.

– Просто надо жить дальше. Жизнь не кончается на том, что вы отстрадали и, в кое-то веке, выбрались...

Он выпил последнюю рюмку и произнёс:

– Ну, спасибо, что выслушал. Теперь я хотя бы понимаю, что надо что-то делать, а не продолжать пить. Наверное, поэтому я не чувствую себя человеком... как на службе пил, так и, выбравшись, продолжаю... с этого, ведь, всё началось... тогда-то я стал животным, коим считаю себя сейчас...

Старлей прыгнул со стула, положив на стойку купюры. Застегнул китель, поправил галстук, надел фуражку и протянул мне руку.

– Спасибо за слова и выдержку, дружище! – сказал он. – Надеюсь, в следующий раз уже не водку мне наливать будешь.

– Удачи! – только и ответил я.

Гость выходил из бара твёрдой походкой, хотя и с сутулой спиной.

Я сразу же заметил, что тех денег, которые он мне дал не хватает для полной оплаты заказа. Останавливать я его не стал. Я видел перед собой настоящего человека, который смог понять кто он, чтобы двигаться дальше в этой жизни...

Кстати говоря, его надежды сбылись.

Уже бывший тюремщик иногда появляется в нашем баре, где заказывает отнюдь не водку.

Он зашёл в простом костюме, который носят многие мужчины. Заказал себе пива. Пока я наполнял ему кружку, то бросил взгляд на него. Лицо отошло от отёков, а глаза не были красными от усталости. Он перехватил мой взгляд и улыбнулся. Этой улыбкой наш гость говорил, что всё-таки справился...

Шерлок

Есть люди, которых видишь каждый день. Они могут как надоесть, так и стать родными. Увы, в нашем мире чаще происходит первое... А бывают люди – видишь их редко, а то и раз в жизни, но врезаются в память навсегда.

Также было и с клиентами. Одних я знал уже по имени и общался с ними на «ты». Других мог не видеть пару лет, но потом они заходили, и знакомые черты лица невольно всплывали в моей памяти.

Это же было и с гостем, который сейчас сидит за столиком напротив, улыбаясь мне, потому что видит, как я рассказываю всё это вам, и знает, что речь сейчас пойдёт про него.

А тогда, где-то год назад он зашёл к нам в бар в первый, и, казалось, в последний раз.

Обычный мужчина чуть за тридцать, в сером классическом костюме без галстука, со слегка потрёпанными волосами и глазами полными усталости и, как мне показалось... разочарования...

Он лениво сел за барную стойку, сложа руки замком и как будто процедил:

– «Веспер»³, пожалуйста!

---

³ Коктейль Джеймса Бонда состоящий из джина, водки и светлого вина Лилле. (Прим.авт. В.О.)

От такого заказа я, откровенно говоря, обалдел. Даже не сразу вспомнил как этот коктейль делается. Меня больше удивило, откуда наш гость вообще про такое знает? Следующая моя мысль была, что передо мной сам Джеймс Бонд или другой-какой агент какой-то разведки. А что? Вполне же может быть, разве нет?

Пока я смешивал ингредиенты, Джеймс, как я про себя окрестил гостя, устало осматривал полки со спиртным, то и дело постукивая ногтями по дереву стойки.

– Утомились на работе, мистер Бонд? – пошутил я, подавая гостю бокал.

Тот усмехнулся:

– Я бы и рад быть ноль-ноль седьмым, но, увы, я – всего лишь мистер Холмс, если выражаться вашей манерой.

– Весьма странно, что вы изволили взять напиток не из вашей эпохи... – взяв тон девятнадцатого века, ответил я. – Доктор Ватсон подводит? Или кофе нынче не модно?

Джеймс тяжело вздохнул и устало ответил:

– Надоело просто всё, вот что...

Он отпил немного коктейля и продолжил:

– Раздражает, знаете ли, когда тебя заставляют заниматься чёрт-те знает чем – проверять всяких там блогеров и прочих дурачков с больших экранов. При этом в сейфе у тебя за спиной – с десятков не закрытых дел о множественных убийствах, изнасилованиях и так далее. Надо же их расследовать, людей спасать! Но нет... мы делаем то, что должен делать

Роскомнадзор. Или ещё лучше – сумочку у старушки украли. Надо бы в полицию пойти с этим, они подобным занимаются. Нет, она идёт к нам! Конечно! Следователям же делать больше нечего, как её сумочку, мать-перемать, искать!

От тихого гнева Джеймс сжал кулак свободной руки, и она у него даже слегка задрожала.

– А прокуроры эти – сволочи!.. – продолжил он, вливая в себя ещё немного коктейля. – Недавно, помню, дело было – педофила поймали, ну и, стало быть, доказательства надо было на него нарыть. А он, собака, хитрый был, – то ли со связями, то ли просто сообразительный, короче, трудно нам пришлось, но это для нас было делом чести, реально говорю! Стольких детей он на тот свет отправил... В общем, мы что могли и не могли – нашли – оформили. На радостях несём прокурору..., а этот... сказал бы непарламентское слово, да только я выше этого!.. этот бюрократ хренов вернул нам весь наш труд, дескать, оформили не так! Доказательств ему, видите ли, мало!

Лицо следователя начало заметно краснеть – это было заметно по щекам, покрывавшимся румянцем.

– Вот, он идиот, скажи мне?! – тихо возмущался клиент. По нему было видно, что, если б не было людей вокруг – он бы уже взорвался.

– Это ж насколько нужно быть бюрократическим холуём, чтобы возвращать дело, в котором, смеяться будете..., опечатка... опечатка, мать её, в одном слове была!.. Ладно, если

бы она была в имени там, в фамилии или ещё где! Так нет! Это ж простое слово было в предложении!

С заметной яростью в глазах он отхлебнул «Веспер» и, зачем-то, занюхал рукавом пиджака.

– Мы перед ним стоим, а этот козёл смотрит на нас и лыбится, мол, учитесь оформлять, лошки!

Джеймса аж передёрнуло.

– Но прокуроры-то ладно. Их, с одной стороны, понять ещё можно – служба у них такая. А ведь есть же ещё наши сотрудники. Как говорится, в семье не без уродов, но когда этих самых уродов... много, скажем так... думаешь, чего я тут делаю-то?

Он тяжело вздохнул.

– Майор у нас, вот. Начальник отдела. Я пришёл, когда, для меня это просто образец следователя был! Чуть ли ни молился на него! Настолько грамотный мужик. От чекистов нас всегда выгораживал, если бывали случаи. С руководством всегда в ладах. С нами – простыми следователями – нормально общался. Как отец, Ей-Богу! Вот только... не может быть всё настолько хорошо... ну, вот, где угодно может, но, чёрт возьми, не в нашей стране! Я, помню, пришёл, когда, только – думал, мол, всё по закону будет, справедливо. Все дела, как положено рассматривать и прочее... и началось.... Это замять, это закрыть, а то ваще не трогай! А почему? Да не твоё, лейтенант, дело! «Зелёный», дескать, ещё! Ладно. С этим я ещё мирился, так сказать. Всё-таки, в какой стране

живём! А недавно...

Джеймс наклонился ближе к стойке и сделал голос тише:

– ...недавно вызывает меня майор наш к себе и говорит, мол, а чего у тебя пальто такое простенькое? Я аж обалдел! С какого это рожна ему интересно что я ношу?! Ну, я, говорю, что меня всё устраивает. Пальто и пальто... а он мне на это: «А ты возьми пару раз... денжат... и купи себе посолиднее!». Я опешил. Спрашиваю, мол, что вы имеете в виду? А этот мне уже прямо говорит «взятки начни брать – будь человеком уже!». Человеком?! Это в современном мире называется «человек»?!

Он залпом допил коктейль.

– И ради чего теперь служить? Чтобы убийцы и прочие черти разгуливали на свободе, а я за это получал деньги? И где тут человек тогда?! А с другой стороны, жаба давит... смотрю на своих сослуживцев, а они все с последними айфонами, кто-то даже на машинах неплохих... и главное, ты понимаешь, что, в принципе, ты можешь так же! Мне протягивают конверты, а я понимаю, что там несколько пятидесятых лежит... аж живот сводит от осознания этого факта... и я не беру!.. посылаю их куда-подальше и не беру... ну не дурак ли? Я не скажу, что зарплата шибко высокая, но я и не жалуясь на жизнь. Хотя, если быть честным, не от хорошей жизни в комитет пришёл служить... видимо, нет нигде этой «хорошей» жизни...

– Хорошо там, где нас нет..., – задумчиво сказал я.

– Да нет, когда-нибудь станет лучше. Не может так вечно быть... я, ведь, и не ухожу, потому что надеюсь дождаться этого времени. К тому же, хоть кому-то, но всё-таки, мы помогаем...

Следователь положил на стойку купюру и медленно побрёл к выходу, закуривая, на ходу, сигарету.

После этого я не видел его год.

Мне, в общем-то, всё равно было на его судьбу. Клиент и клиент, каких много. Может пить бросил, может перевели, а может и «сожрали» на службе – теорий наклёвывалось много.

Однако сейчас Джеймс сидит за столиком напротив и, глядя в мою сторону, усмешливо улыбается. Это даёт мне надежду, что, возможно, как он и говорил, всё идёт к лучшему. Что он остался человеком, каким и был....

Бумажный Штирлиц

Раз в месяц к нам в бар заходит один весьма любопытный персонаж. На вид ему можно дать не больше тридцати пяти лет. Но это заметно только по его молодому лицу. Виски же у него совсем седые. Да и морщины под взволнованными глазами с каждым месяцем всё прибавляются и прибавляются.

Всякий раз, как он появляется у нас, то непременно заказывает себе джулеп⁴. Видимо, обмывает зарплату...

И каждый раз, когда он только-только хочет приложиться к бокалу, в кармане его пиджака раздаётся звонок телефона. Он с заметной злостью и, одновременно, ужасом хватается аппарат и принимается с кем-то разговаривать, то и дело широко жестикулируя. Я слышу лишь обрывки его речи «какое нахрен опровержение?!», «там в столе», «да мы же нашли его недвижимость!».

После каждого подобного разговора гость устало залпом выпивает коктейль, молча кладёт купюру и уходит.

Лишь недавно я узнал, кто он такой.

Как обычно, под конец месяца клиент пришёл в бар, сел передо мной за стойку и попросил джулеп и... как только он его пригубил, раздался телефонный звонок. Тот, кто ему

---

⁴ Слабоалкогольный напиток на основе свежей мяты. (Прим.авт. В.О.)

звонил, как будто, специально подгадывал момент.

Однако на этот раз всё было по-другому. Гость с улыбкой взял телефон в руку, а после короткого диалога, поблагодарил своего абонента и, положив аппарат обратно, весело бросил мне:

– Ай-да ещё коктейля!

Я усмехнулся:

– Вы же этот ещё не допили.

Он вздрогнул.

– Ох, в самом деле! Как же это я?..

Гость ещё немного отпил, а я, всё-таки начав готовить повтор, спросил:

– Что же за радость такая, наконец, вас посетила?

– Да в кое-то веке наше агентство вышло в топ самых читаемых! В том числе, благодаря моей статье...

– То есть, вам всё это время редактор названивал?

– Именно! Постоянно одно и то же: то сомневается, то его прижали структуры, про которые мы в статьях пишем, то я написал шибко грубо. А ещё говорят – нет в нашей стране цензуры! Хех! Ещё как есть и ещё какая! Вот, например...

Он выпил ещё немного коктейля, видимо, чтобы смочить горло.

– ...готовили мы пару месяцев назад статью про армию. Там на учениях произошло ЧП – официально про него никто, конечно же, не знал, но глаза и уши у нас везде есть. Так вот. Мы, стало быть, подготовили всё, редактор одобрил

со скрипом в глазах – боязливый он человек у нас. И вот, прихожу я к вам, собственно, выпить за это дело, как шеф звонит мне и просит написать опровержение! Дескать только что звонили из Минобороны и чуть ли не угрожали ему. Не, ну ё-моё, называется! Сами они про это рассказывать, видите ли, не хотят – всё хорошо у них! А как независимая пресса подъехала – так в зуб ногой. Но радуется, что народ у нас, в основном, не глупый – понимает, что коль вышло опровержение, значит – правда в статье была.

Он снова немного отпил, а я, поставив ему новый бокал с светло-зелёным содержимым, спросил:

– А как вы находите все эти материалы?

– Знаете, когда как. То информаторы дают, то самому побегать приходится. Последнее, кстати, самое опасное, тяжёлое, но, в принципе, самое продуктивное. Особенно если успеваешь вовремя достать телефон. Например, помню, был слух, что у кое-кого из... скажем так, правящих кругов, есть целый дворец где-то в Подмосковье. Его, конечно, мало кто видел, и ваще чёрт знает где конкретно он находится. В общем, нет тела – нет дела. Не тут-то было! Я через подставных лиц устроился на работу в этот самый дворец! Это было трудно, муторно, страшно даже, но я смог! Я стал домработником. В общем, это просто идеальный шанс всё раскопать. Я, когда ехал туда – даже телефон в ботинок спрятал, а то ж обыскать могут ещё. Нет! Охране вообще всё равно было на то есть у меня чего или нет. Единственное неудобство – ид-

ти до этих «хором» надо было пешком, километра три, наверное. То есть – ты приезжаешь в Подмоскowie на автобусе, а потом ещё до места работы должен марафон пройти! Хорош хозяин! Хоть бы машину какую выделил! Бентли там или мерс...

Мы оба посмеялись над этим замечанием, после чего журналюга уже допил первый бокал. В его голосе играло воодушевление своим рассказом, а глаза прям-таки сверкали.

– В общем, хожу-брожу я по этому участку всему. Фоткаю что-то помаленьку. Ну и, собственно, работаю как никак! А то мало ли... Так вот, сказать, что я офигел от всего, что я видел – ничего не сказать! Насколько надо любить роскошь и прочие королевские угодья, чтобы намотить себе такое?! Тут тебе и бассейны с фонтанами в виде хозяина поместья, и его бюсты на каждом углу, в том числе из кустарных листьев; перилла и края ступенек позолоченные. А внутри замка... ей-ей не вру – один кубик пола вырезать – три года можешь не работать, настолько дорогой материал! В общем, к чему это всё – нафоткал я тогда достаточно прям. Даже с охранником одним пообщался, так он и рассказал мне, как хозяин сюда ночами целый микроавтобус проституток привозит. Или ещё про то как он, бывает, лунатит – чуть ли не на крышу залезает, а персоналу приходится бегать за ним – вытаскивать...

– Что за люди нами правят? – усмехнулся я.

– Удивительные – одно слово! – посмеялся собеседник и,

начав пить второй бокал, вытащил изо льда веточку мяты и, покусывая листья, продолжил:

– Я, когда домой ехал, чувствовал себя прямо Штирлицем, честное слово. Настолько удачную операцию, если можно так выразиться, я провернул. Ну, разумеется, я всё это в редакцию принёс, обработали, отослали в печать и прочее... В общем, как только статья об этом «логове короля» вышла, в нашу редакцию начали то камни прилетать, то кто-то стрелял рядом с ней, да чего греха таить – по кабинету, в котором я, обычно, работаю – и то выстрелили откуда-то с крыши! Звучит, конечно, невероятно, но я привык всё фотографировать...

С этими словами он достал телефон и, немного покопавшись в нём, показал мне фотографию обычного рабочего стола, рядом с краем которого зияло сквозное пулевое отверстие, от которого даже расходились мелкие трещинки.

– Это она сквозь мой стол прошла, продырявила пол и застряла где-то в бетоне между этажами. Мне повезло, что я встал буквально за секунду до выстрела! Страшно аж до сих пор. Мы даже в ФСБ по этому поводу обращались. Конечно же, нам не ответили, однако, после этого все нападки на нас прекратились. Ну а потом кто-то нашего редактора крепко избил и... сами понимаете... опровержение и прочее...

Он вздохнул.

– Вообще-то жалко, знаете ли. Работаешь-работаешь, копаешь материал, а потом раз – и по воле какого-то хрена при

власти весь твой труд смывают в унитаз, и никто не при делах. Но...

Тут мой гость улыбнулся.

– ...всегда приятно, несмотря на всё это, когда ты открываешь Ютуб, а там почти все блогеры говорят о тебе и твоём расследовании! Когда на улице тебя узнают люди, когда тебе звонят и просят дать комментарии насчёт того или иного дела. Кстати, даже деньги иногда за такое предлагают!.. Значит, я кому-то ещё нужен, значит всё – не зря!

Он уже допивал джулеп, а я всё-таки решился спросить:

– А у вас не осталось тех статей, на которые вышли опровержения, а то я как-то совсем не в курсе дел.

Его глаза снова загорелись, но на этот раз от счастья.

– Конечно! Я вам скину, если угодно!

– Было бы хорошо. Почитаю на досуге.

Мы обменялись номерами, после чего, журналист положил на стойку купюры и вышел, пообещав скинуть материалы из дома.

С тех пор, каждый месяц, как и прежде, он захаживает в бар, давая мне подробную сводку новостей, а также... самые скандальные и громкие публикации....

Посредник счастья

В жизни встречаются люди, видишь которых, и настроение как-то само собой улучшается. Прямо чувствуешь от них эту положительную энергию. Не человек, а ходячий праздник!

Среди моих клиентов таких людей было мало. Даже те, кто приходили праздновать день рождения или иной какой праздник были счастливы лишь постольку-поскольку обильно выпивали. И то – не все.

Однако есть и один человек, что, мне кажется, всегда в хорошем настроении. В его глазах никогда нет усталости – сплошное выражение счастья написано в них и на его лице. Всё время он приходит в яркой одежде, весело запрыгивает на барный стул и неизменно заказывает своё любимое асу. Так вот, этот парень его пьёт и это так красиво выглядит. Вино, как будто, было создано для того, чтобы именно этот наш гость его пил и никто другой.

Как-то раз, на моей памяти, был характерный случай.

Как обычно, этот молодой человек пришёл к нам в бар, заказав себе асу, и потихоньку потягивал его. Я, тем временем, протирал посуду, и мой взгляд случайно попал на девушку, что сидела за столом неподалёку от моей стойки и тихо рыдала. Это заметно было по подъёмам её спины вверх-вниз и

по голове, что лежала лицом вниз на предплечьях. Парень как будто перехватил мой взгляд, быстро посмотрел на неё, оценивая ситуацию, а затем обратился ко мне:

– Сделайте, пожалуйста, что-нибудь послаще – на ваш вкус.

Мне дважды повторять не надо – на мой вкус, так на мой. Я быстро сделал «шмеля»⁵ и дал стакан с содержимым заказчику. Он положил на стойку пару купюр, взял коктейль в руки и понёс к столику, где сидела девушка. Поставил перед ней, от чего она встрепенулась и удивлённо посмотрела на стакан, а потом на того, кто его принёс.

– Не расстраивайтесь, – сказал он, – завтра у вас день будет лучше, вот увидите! Жалко у меня цветов нет с собой, я бы подарил вам, а то не дело такой красавице плакать.

Девушка заметно покраснела и потупила взгляд, что-то бормоча, а он быстро отвернулся и вернулся за стойку, где его уже ждал я с весьма удивлёнными глазами.

– Благородно! – вслух отметил я.

– Не могу смотреть, когда кто-то несчастен, а я могу помочь, – ответил гость, потягивая асу и украдкой наблюдая за девушкой. Она уже перестала плакать и тоже принялась за коктейль.

– Я стараюсь носить людям счастье. Что на работе, что в жизни, – продолжил он. – Иногда, как видите, получается. Счастье-то в мелочах. Просто мелочи эти разные бывают.

---

⁵ Коктейль на основе кофе и апельсинового сока. (Прим.авт. В.О.)

Когда тяжёлые, когда не очень. Могут быть светлыми, прям белоснежными даже. А могут быть просто разноцветными. Я больше люблю, когда тяжёлые и разноцветные – больше эмоций и людям приятнее от того что глаза радуются.

– Я вас немного не понимаю...

– Ну, вот, вы бы ей, – он снова бросил взгляд на ту девушку, – какой букет подарили?

– Гм-м... ну, розы, наверное, ...

– Как романтично и классически! А какие розы?

– Да кто ж их знает? Алые, наверное!

– Очень хороший выбор! А я бы собрал сразу несколько цветов роз – так ведь приятнее!

– Вы – флорист, что ли?

– Нет-нет, что вы? – едва-заметно усмехнулся парень. – Я цветы доставляю.

– Вот оно что...

– Ага. Самая счастливая работа, я считаю. Да, тяжёлая иногда, но зато я ношу людям счастье. Оно, знаете, как будто через меня проходит. Как через посредника. Вот, бывает, поссорится парнишка с девушкой, закажет ей букетик хризантем, а сам попросит меня, мол, скажите ей, что я извиняюсь перед ней и всё такое. Казалось бы, «всё такое» – это ж как надо вывернуть, чтоб человек счастлив был! И вот, ты бежишь по указанному адресу, случается, вообще этой улицы не знаешь. Находишь нужный дом, квартиру. Звонишь в дверь. Девушка, взволнованная, открывает, а ты ей, мол,

это вам от вашего молодого человека, просит передать вам, что очень любит вас и скучает. Всё! Сразу человек становится счастливым! Отношения спасены, цветы доставлены, да и мне настроение сделано! Так, бывает, пар восемь за день можно выручить. Мелочи, вроде, зато какими люди от них становятся!

– Как же повезло, наверное, вашей девушке! – улыбнулся я.

– Хех! – усмехнулся он. – Супергерои работают в одиночку. Я – не исключение. Но, так, наверное, и лучше. Зато сколько я тренируюсь на других, так что, когда, наконец, встречу свою единственную, уже буду, полагаю, гуру в романтике. А что, меня уже многие в городе знают! До сих пор спасибо говорят за спасённые чувства. Значит, всё не просто так! Значит, я правильно делаю!

Между тем, девушка, которой он принёс коктейль, уже встала из-за стола и направилась к выходу. По пути, она остановилась у стойки, рядом со стулом, на котором сидел мой собеседник.

– Спасибо вам большое! – чуть сиплым голосом сказала она и, чмокнув его в щёку, пошла к двери.

Гость слегка покраснел от подобной неожиданности, глянул ей в след, а затем снова на меня.

– Ну, вот, – сказал он, – видите! Я ж говорю, что всё не просто так. Люди счастливее становятся после меня. Ух, аж на душе легче стало...

– А зачем вам всё это? – поинтересовался я.

– Вы знаете, – мой собеседник слегка потупил взгляд, – моё детство было не самым счастливым, каким должно было быть. Родителей рано не стало, а детский дом – не лучшее место для ребёнка, на самом деле. Вот я и подумал, что зачем кому-то ещё быть таким же несчастным, как я? Я хотел выучиться на педагога, чтобы вернуться в тот детский дом и помогать деткам. Что-то у меня с университетом не вышло, если честно... поэтому, хоть так... Не совсем то, что я себе представлял, но, должен признать, результат превосходит мои ожидания.

– Несомненно! – поспешил подбодрить его я и подлил немного асу в бокал. Он немного отпил, а я спросил:

– Но если вы сами счастливы на работе, зачем же пьёте?

– Да разве это выпивка? – усмехнулся гость. – Это, скорее, чтоб мышцы расслабить после работы. И потом, это ж сладкая штука – вам ли не знать?

– В самом деле...

– Знаете, я, ведь, никогда ещё кому-то чужому так много о себе не рассказывал.

– Ну, моя стойка для этого и нужна, – уже усмехнулся я. – Здесь многие начинают рассказывать о себе, о своей жизни и проблемах.

– Ого! – воскликнул гость. – Полагаю, мы с вами похожи чем-то...

– Мы работаем с людьми – вот чем.

– Но только я ношу людям счастье, а вы впитываете несчастье чужих. Вы можете заболеть так.

– Я не менее счастлив, чем вы... потому что могу позволить себе пить много... Шучу! На самом деле, всегда приятно видеть, как человеку становится легче после того, как он выскажется или получит совет. Когда ты видишь его спустя какое-то время, и вы оба понимаете, просто взглянув друг на друга, что вы справились. А со мной, поверьте, всё в порядке будет. У самого жизнь была не очень, даже слишком, так что – не привыкать к чужим бедам.

– Что ж, механик людских душ, – улыбнулся на прощание гость, – спасибо, что и меня выслушали и... за такой рассказ... Счастья вам!

– Взаимно!

Он положил на стол купюры и пошёл к выходу.

К слову, он до сих пор приходит. Всё так же заказывает асу. И всё такой же счастливый....

Стакан наполовину полон (вместо эпилога)

Люди у моей стойки сменяют друг друга, как стаканы у меня в руках.

Однако в отличии от последних, у каждого из них есть своя изюминка. Своя особенность. Как например, у моих героев, про которых я вам сегодня рассказал.

И всё же, если уж и сравнивать их со стаканами, то сходства всё-таки есть. Все они чем-то наполнены. Полагаю, в контексте этих людей – несомненно чем-то хорошим, чем-то дорогим и благородным!

Не берусь судить о том, какие они с другими людьми, но я-то определённо знаю, что каждый из них – по-своему замечательный человек, и я искренне рад, когда снова вижу их лица напротив себя.

Я ловлю себя на мысли, что становлюсь уже заправским коллекционером. Кто-то коллекционирует мечи, например, кто-то кольца..., а я – людей. Я храню их в своей памяти, ведь я один из тех, кто знает каждого из них почти в полной мере. Всё-таки алкоголь – лучшая сыворотка правды, каким бы крепким характером ты не обладал.

Коллекция моя с каждым днём всё шире и шире. Лиц в

ней становится больше. Глядишь, скоро записывать начну. В принципе, это я сейчас и делаю... как же неожиданно подкралась старость...

Что ж, что хотел – вам рассказал. Если ждали этого, то вам понять меня будет несложно. А пока, я снова иду навстречу новым лицам и новым заказам, и снова знакомый стакан вертится у меня в руке....